

УДК 930. 316+ 344

«Ахиллесова пята» социалистического общества и позиции социальных групп и слоев в ходе его трансформации (Исторический аспект).

С.В. Новиков

Омский государственный педагогический университет

Распределительная и ценовая политика в рамках строительства социалистического общества в СССР привела к «кризису недопроизводства» породившего избыток денежной массы, спекулятивный рынок, «цеховиков» и деформации социально-экономических отношений повлекших за собой термидорианский переворот, отказ от социальной модели развития государства.

Ключевые слова: теневая экономика, деформации социализма, партийно-хозяйственная номенклатура.

S.V.Novikov

«Achilles' heel» of a socialist society and the positions of social groups and layers during its transformation (Historical aspect).

The distributive and price policy within construction of a socialist society in the USSR led to the «underproduction crisis» which generated surplus of money supply, the speculative market, «tsekhoviks» and deformation of the social and economic relations which caused Thermidorian revolution, refusal of a social model of the state development.

Keywords: shadow economy, deformations of socialism, party and economic nomenclature.

В 1905 г., в Москве была издана работа К. Кауцкого «Общественные реформы», где один из теоретиков социал-демократии сделал прозорливый вывод, что при пролетарском режиме кризисы могут возникать в том случае, когда для удовлетворения нужд производительного или личного потребления будет произведено недостаточное количество, каких либо, продуктов. Будучи убеждённым сторонником государственных форм собственности и регуляции он сумел разглядеть ахиллесову пяту системы, в которой личное благополучие граждан зависит не только от плодов их труда, сколько от распределительной политики проводимой надстройкой [1,с.397].

Мысль К. Кауцкого не осталась незамеченной. Её на основе до индустриального советского опыта попытался развить известный советский экономист В. В. Новожилов. Опираясь на его теоретические наработки, в завершённом виде ставшие статьёй «Недостаток товаров», опубликованной в 1926 г. попытаемся рассмотреть развитие социально-экономических отношений в СССР 1930-1980-х гг.

Изучив состояние товарно-денежных отношений, исследователь пришел к выводу, что недостаток товаров в советской стране, это не абсолютный недостаток товаров, а относительный недостаток по сравнению с денежным спросом на товар. Но, по его мнению, не всякое возрастание денежного спроса вызывает недостаток товаров. Если цены товаров повышаются соразмерно росту денежных доходов, то недостаток товаров возникнуть не может. А достаток товаров, следовательно, возникает только тогда, когда цены перестают выполнять функцию уравнителя спроса и предложения, когда они приобретают инертность, нечуткость к конъюнктуре рынка. Таким образом, недостаток товаров есть признак того, что цены слишком низки. Если недостаток товаров при этом захватывает все важнейшие товарные группы, значит, весь уровень цен не соответствует денежной стороне народного хозяйства.

Недостаток товаров, с точки зрения В. В. Новожилова, вызывает хаос в распределении реальных доходов. Распределение реальных доходов перестает соответствовать распределению денежных доходов. Разница цен в вольной и регулируемой торговле достигает по некоторым товарам весьма значительных размеров. Иначе говоря, покупательная сила денег становится различной не только в различных местностях, но и в различных магазинах и даже в различных руках. Так как продажа продуктов по цене ниже цены равновесия спроса и предложения является в известной части даровой раздачей (подарком): именно в части разницы между продажной ценой и ценой рыночного равновесия. Конечно, все стремятся получить подарок, но не все его получают. При недостатке товаров выигрывает тот, кто стоит ближе к источникам товарного потока, тот, кто непосредственно получает товары, которых не хватает.

Теоретический пример: доход населения, на отдельной территории, равен 200 руб., производство – 100 единицам, а регулируемая цена – 1,5 руб. за единицу, то при продаже по этой цене всех 100 единиц окончательным потребителям неудовлетворенный спрос достигнет 50 руб. Если же по 1,5 руб. будет продано 80 единиц, а остальные 20 единиц – по 4 руб., то все денежные доходы будут удовлетворены товарами, хотя и в различной мере[2].

Поставим еще один вопрос. В каком случае расширение безубыточного производства может усиливать товарный голод? В том если рост доходов производителей будет опережать рост производства потребительного продукта, то товарный голод будет тем острее, чем выше коэффициент воспроизводства. Так происходит потому, что при расширении производства нужно сначала произвести больше средств производства (разведать и добыть сырьё; изобрести, разработать и произвести станки и транспортные средства; организовать их доставку на места строек), и только потом появляется возможность произвести больше потребительных благ. Экономический закон неумолим, для того чтобы в будущем произвести больше потребительных благ, нужно уже в настоящем производить больше средств для их производства,

больше, чем требуется для простого воспроизводства потребительных благ. Поэтому при расширении производства доходы населения слагаются:

–из доходов непосредственных производителей потребительных благ;

–из доходов производителей средств производства, необходимых для поддержания производства потребительных благ на достигнутом уровне;

–из доходов производителей дополнительных средств производства, необходимых для производства (в будущем) большего количества потребительных благ, чем их в настоящем производстве[2].

Уже в годы первых пятилеток, СССР стал государством, с динамично развивающейся экономикой вышедшей по объему промышленной продукции на второе место в мире (после США) и одной из двух стран способной производить любой вид продукции из всех доступных в то время человечеству. Однако не секрет, что в ходе предвоенных пятилеток руководством страны широко использовалась эмиссия, так только в 1929-1932 гг. рост денежной массы не обеспеченной товарами вырос с 0,8 до 3 млрд. руб.[3, с.146,149]. Данная болезнь преследовало страну на протяжении всего существования государственной, плановой экономики. Руководство использовало все возможные методы изъятия лишних денег из оборота:

–налоги (в различные периоды разные, но объясняемые с позиций необходимости социалистического строительства);

–займы (от военных до послевоенных связанных с восстановлением народного хозяйства);

–денежные реформы конфискационного типа (объясняемые борьбой с неправомерно нажитыми доходами спекулянтов).

Однако извлекая избыточные деньги вышеуказанными способами, государство вынуждено было содержать дорогостоящий партийный и государственный аппарат. Конечно, проблему избыточных денег можно было решить по В. В. Новожилову, что называется даром – путем повышения цен. Но в рамках реализации концепции перехода к коммунистическому обществу и последующей концепции построения развитого социализма сделать это было не

возможно по причинам идеологическим. Цены должны были снижаться, а доходы (в денежном исчислении) увеличиваться. С середины 70-х в рамках расширения социальной сферы выразившейся в открытии новых школ, больниц, дворцов пионеров, спортивных секций, клубов по интересам и зон отдыха идеологи заявили о «фондах общественного потребления» которыми на безвозмездной основе пользуются трудящиеся и их дети. Однако нарастающего недовольства со стороны отдельных групп населения дефицитом товаров и услуг указанное объяснение не ликвидировало. «Дефицит» продолжал расти.

Проиллюстрируем формирования кризисных явлений на конкретном примере Черлакского района Омской области РСФСР. Данные статистики за 1981-1985 гг. показывают рост месячной заработной платы рабочих предприятий и совхозов в её номинальном исчислении:

- 1981 г. – 172 руб., в т.ч. в совхозе – 216 рублей.;
- 1982 г. – 185 руб., в т.ч. в совхозе – 216 рублей.;
- 1983 г. – 199 руб., в т.ч. в совхозе – 216 рублей.;
- 1984 г. – 183 руб., в т.ч. в совхозе – 210 рублей.;

Однако при указанных доходах стоимость бытовых услуг оказанных в течении года, в финансовом исчислении, на душу населения составляла следующую сумму:

- 1981 г. – 37, 2 руб.;
- 1982 г. – 37, 2 руб.;
- 1983 г. – 35, 6 руб.;
- 1984 г. – 43, 3 руб.;

Продажа товаров на душу населения за год выражалась следующими цифрами:

- 1981 г. – 1021 руб.;
- 1982 г. – 1032 руб.;
- 1983 г. – 1056 руб.;
- 1984 г. – 1103 руб.;

Вывод однозначен – жители района официально могли потратить в указанные годы только чуть больше 50% своего дохода [4,с.399].

К тому же, руководство СССР весь послевоенный период, не только держало военно-стратегический, ядерный паритет с НАТО, от чего на развитие ВПК в различные годы тратилось от 10 до 20% внутреннего валового продукта, но и участвовало в геополитическом переделе мира. Приведем некоторые широко распространенные данные. Правительство оплачивало содержание военных специалистов за рубежом (например: в Сирии с 1956 по 1991 гг. – 16282 чел; во Вьетнаме с 1965 по 1974 гг. – 6359 офицеров и порядка 45000 рядовых и сержантов; в Анголе с 1975 по 1991 гг. – 11000 чел), оказывало не только военно-политическую, но и финансово-экономическую поддержку союзникам (на 1991 г., по некоторым данным, невыплаченный СССР долг со стороны 14 стран Азии, Африки и Центральной Америки равнялся 34,5 млрд. долларов). С 1950-х правительство активно, в том числе и в военных целях, финансировало космическую программу, запустив в космос около 2 тысяч спутников, выведя на орбиту несколько орбитальных станций, число советских космонавтов побывавших на земной орбите с 1961 по 1991 гг. достигло 72 человек, 44 из них совершили полет не единожды. Целесообразность проведения указанной политической линии не вызывает сомнений, но на наполняемость потребительской корзины, она, по крайней мере, с точки зрения рядового советского человека влияла негативно.

К середине 1970-х годов многочисленные вложения в разработку нефтяных и газовых запасов дали доход в виде нефтедолларов. Часть этих доходов использовалась для закупки импортного продовольствия и товаров народного потребления. Однако полученные возможности пополнения товарной корзины вызвали неожиданные последствия.

Что же представляло собой советское социалистическое государство ко времени преобразований, вызванных перестройкой?

Базовым для преобразований являлся социально-экономический порядок, при котором средства производства принадлежали государству, при этом их

характеристика как общенародных или колхозно-кооперативных требует уточнений. Как следствие, вопрос о характере «советского социалистического» государства можно рассматривать исходя либо из признания наличия в СССР госкапитализма, либо констатировать достаточно высокую степень акционирования средств производства в рамках модели обозначенной в качестве социалистической. Во втором случае можно говорить либо о государственном капитализме с сильной социальной программой, либо о том, что все социальные программы в СССР являлись формой получения дивидендов с акционированного капитала.

Однако излишняя денежная масса и дефицит в рамках производственных отношений, и в ходе их развития порождали «деформации», как то:

- развитие спекулятивного рынка, усиление которого, с середины 70-х произошло посредством вовлечения в его оборот импортной продукции;

- хищение производственных фондов и полученного прибавочного продукта в целях личного обогащения;

- использование государственных средств производства для получения и присвоения прибавочного продукта, а также встраивания (легально и нелегально) частных, незаконно созданных предприятий в систему производственных отношений.

Противодействие этим тенденциям, на наш взгляд, стало причиной репрессий по отношению к партийно-хозяйственной номенклатуре в 1930 – начале 1950-х гг.

С приходом к руководству Н. С. Хрущева власти пытались свести проблему к «отдельным недостаткам». В результате годичная стоимость нелегально произведенных товаров увеличилась с 5 млрд. руб. (3,4% от ВВП) в начале 1960-х гг. до 90 млрд. (12,5% от ВВП) в конце 1990-х. Общее количество вовлеченных в теневую экономику лиц в 1989 г. составила 30 млн. человек, то есть 12% численности населения СССР. Несомненный интерес представляют выявленные профессором В. Ю. Катасоновым «угрозы и последствия развития теневой экономики в СССР»[5]. Автор статьи в целом разделяет высказанные

коллегой выводы. Однако реализация этих угроз была бы невозможно без изменений отношения основных слоев населения к установившемуся в СССР социально-экономическому строю.

К 1980-м партийно-хозяйственную номенклатуру не устраивала «социалистическая вуалька». Представители этой социальной группы считали, что в качестве управленцев заслуживают получение не просто больших дивидендов, но и перехода собственности находящейся в управлении в свои руки. Характерно изречение в кругу «золотой молодёжи» 1980-х: «Твой отец что сторожит? – Дело в том, что кто, что сторожит тот тем и владеть должен!».

Кадровые хорошо оплачиваемые рабочие, включённые в систему управленческих отношений посредством нахождения в рядах КПСС и управленческом звене профсоюзов, тяготились необходимостью раздела доходов от произведённого прибавочного продукта, с основной частью населения. На первый план для данной социальной группы вышли не фонды общественного потребления (их формирование и использование), а получение персональной оплаты труда за высококвалифицированный труд и привилегий для своих родственников, в том числе и не включенных в систему (квартиры и машины для вполне взрослых детей, путёвки для внуков и пр.). Как следствие социологические исследования показали, что чувствуют себя хозяином: на рабочем месте – от 48 до 68%, в бригаде, на участке – от 33 до 38%, в цехе – от 10 до 21%, на предприятии – от 7 до 11 % рабочих [1, с.309].

Советская деревня переживала неоднозначные процессы:

–за 1954-1985 гг. треть колхозов была преобразована в совхозы;

–имело место форсированное, не учитывающие природные, поселенческие и иные факторы укрупнения хозяйств;

–средства, выделенные на нужды сельского хозяйства, нередко шли на благоустройства городов и районных центров;

–властные структуры активно вмешивались в хозяйственную деятельность, принижая авторитет сельских специалистов и управленцев;

–повышение заработной платы тружеников села при товарном дефиците не способствовало повышению уровня жизни. Труженик села, все чаще отчуждался не только от решения каких либо вопросов, но даже от их обсуждения. Так, обсуждение итогов 1986 г. лишь в 34% хозяйств проводили на общих собраниях, а в 66% на собраниях, уполномоченных, в том числе в Украинской ССР – 82%, в Казахской – 88, Латвийской – 84, Эстонской – 87, Киргизии и Таджикистане – 100%. Вышеперечисленное вело к оттоку жителей из сел: – в 1970 г. в городах проживает 56,3% ; в 1986 г. – 65,6% населения страны. Опросы сельских старшеклассников в середине 80-х, показывали, что только 12% из них хотели бы работать по крестьянским профессиям (среди девушек –7%) [1, с.273, 272, 257, 268, 269, 315, 314]. Популярной стала мечта о частном хозяйстве с образом селянина-фермера (образ Адриано Челентано из «Укрощения строптивого») и/или передовой аграрной компании и руководителе получающим сверхприбыль (образ Николая Ерёменко-младшего из «Председатель»). При этом мечта должна была реализоваться, как то сама по себе.

Часть творческой интеллигенции, считала себя ограниченной социалистическим реализмом и «коммунистическими догмами» мешавшими прославиться теми или иными оригинальными творческими решениями мечтала о полной свободе самовыражения. Свой вклад в недовольство властью вносила и точка зрения на жизнь творческой личности на Западе или до Октябрьской революции как череды светских раутов перемежаемой продажей за не малые деньги собственных картин, прав на издания романов, выступление перед толпами поклонников и радости потребительской жизни. Вторая часть наоборот считала что советское искусство слишком подвержено западному влиянию и искала себя в христианстве, язычестве и мистике ожидая того что в более свободном обществе им уготована роль новых пророков.

В рядах научной интеллигенции так же преобладало несколько точек зрения на якобы имеющую место, собственную обделённость. Сторонники первой считали, что отечественная наука существенно отстаёт от иностранной в виду

отсутствия в ней свободы поиска учёного (за счёт налогоплательщиков), которая сразу бы позволили отказаться от части социальной ответственности перед большинством и плановых ограничений, что позволило бы начать делать открытия и деньги. Сторонники второй верили в передовую советскую науку и сокрушались из-за невозможности выехать за рубеж с личными наработками и исследованиями коллег. Третьим, была характерна забота об экологии, которая якобы страдала в СССР в большей степени, чем в странах капиталистического мира, при этом нередко этот мир искусственно ограничивали Францией, Англией, Японией и другими государствами, выведшими вредные производства за свои границы [6].

В эти же годы в массовом сознании имеет место изменение ряда идеологических постулатов, как то:

–реабилитация и последующая романтизация «белого движения» или его отдельных представителей (художественно сильные образы «белых» заслонили исторический крах «белого дела», а для советского обывателя белый офицер из кинофильма оказался ближе и понятней неграмотного крестьянина-красноармейца, полуграмотного матроса из рабочих или комиссара из разночинной интеллигенции);

–некритическое восприятие социальных достижений стран Запада, представления о котором базировались в основном на зарубежных игровых и комедийных фильмах;

–романтизация, в том числе и посредством кино, преступного мира, с его «правдой» и «законами» («Блеф» – Италия, «Ва-банк» – Польша).

Таким образом, на фоне переизбытка денежной масса (для основных групп населения «кровно заработанной» и служащей подтверждением квалификации или иных заслуг – ведь даром никому не платят) и роста теневой экономики (дающей иллюзии возможности развития капиталистических отношений, а также более справедливой оплаты труда от хозяина, чем от социалистического государства) назрел социальный переворот.

Событийная цепочка сложилась: кризис недопроизводства – спекулятивный рынок и цеховики (теневая экономика) – социальные деформации вызывающие недовольство различных групп населения – политизация кризиса в ходе Горбачевской перестройки – термидорианский переворот повлекший изменение социальной сути государственной власти.

При этом развал союзного государства и создание на месте СССР национальных образований, являлось отнюдь не трагическим стечением обстоятельств. Автору указанной статьи неоднократно, в конце 1990-х годов приходилось общаться с функционерами национальных народных фронтов объясняющих требование предоставления суверенитета тем, что только идея воссоздания национального государства поможет национальной буржуазии удержать политическую власть при разгосударствлении собственности и отказе от социальных гарантий имевшихся ранее.

Назревавший социальный переворот может быть идентифицирован, как буржуазный. Открытым при этом остаются вопросы:

- о способности бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры завладевшей собственностью ответить на вызовы нового времени и провести модернизацию;

- о возможности проведения модернизации при отказе от исторически устоявшейся модели, будь то государственный капитализм с сильной социальной программой или социализма с получением дивидендов от акционированной собственности.

При этом следует отметить, наличие трех факторов субъективного порядка. Первый, партийно-хозяйственная номенклатура, ставшая буржуазным классом, оказалась малоспособной к деятельности в условиях рынка. Второй, между различными группами номенклатуры, в одночасье ставшей буржуазией обозначились многочисленные противоречия тормозящие развитие национальной экономики. Третий, коррупционная составляющая в отношениях бизнеса и власти уходящая корнями в теневые отношения 80-х годов.

Однако, стремительно меняющийся миропорядок, несомненно, повлечёт перераспределение ролей в системе взаимоотношений, как внутри правящей буржуазной элиты, так и между элитой и остальными слоями населения РФ.

Библиографический список

1. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. В. В. Журавлёва. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.

2. Новожилов В. В. Недостаток товаров («Вестник финансов». –1926 – №2).[Электронный ресурс].-[http://seinst.ru/page75/\(15.04.15\)](http://seinst.ru/page75/(15.04.15)).

3. Кирьяш О. А. Советская модель модернизации / О. А. Кирьяш // Курс лекций по истории для непрофильных специальностей: учебное пособие / Под ред. О. А. Кирьяш – Омск: ИП Макшеевой Е.А.; 2013. – С. 145-158

4. Новиков С. В. Очерки истории Черлака и Черлакского района: 1720-1985 годы / С. В. Новиков. – 2-е изд. испр. – Омск: Издательский дом «Наука», 1014. – 416 с., 31 с. : ил., фото.

5. Катасонов В. Ю. Теневая экономика в СССР: с чего все начиналось [Электронный ресурс].-<http://www.km.ru/economics/2014/02/03/istoriya-sssr/731316-tenevaya-ekonomika-v-sssr-s-chego-vse-nachalos>(дата обращения: 08.05.15).

6. Новиков М.С. К вопросу о классификации националистических идей и организаций России. 1960-2000 гг./ М. С. Новиков, С. В. Новиков // Омский научный вестник. – 2013. – № 4(121). – С.34- 37

Авторская справка:

Новиков Сергей Валентинович

Доктор исторических наук, профессор (Россия)

заведующий кафедрой управления развитием образования ОмГПУ

т: 66-86-25; 8-904-072-04-12

e-mail: bonid89@inbox.ru